

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Всероссийская православная литературная премия им. святого благоверного великого князя Александра Невского вручена в Санкт-Петербурге Светлане Николаевне Макаровой-Гриценко. Диплома и серебряной медали удостоена книга повестей и рассказов «Уютный дворик, тихое окно».

ПАНОРАМА

5 февраля 2016 года в День кубанского кобзаря в ККЮБ им. И.Ф. Вараввы прошёл конкурс молодых поэтов и чтецов «Свою любовь не распылю...», посвящённый 91-ой годовщине со дня рождения Ивана Федоровича Вараввы. Конкурс проходил в двух номинациях: «Молодой поэт», «Конкурс чтецов».

Участниками стали студенты средних учебных заведений города. Все они читали стихи кубанского поэта, стихи собственного сочинения, посвященные вечной теме — любви.

В жюри работали поэты, члены Союза писателей России Любовь Мирошникова и Татьяна Соколова.

Победителем в номинации «Молодой поэт» единодушно признана Ангелина Гах из Краснодарского архитектурно-строительного техникума, в конкурсе чтецов в лидерах — Брантова Элла, её сокурсница. Среди лауреатов также Куц Александр, Таран Татьяна, Шеремет Кристина, Белишев Кирилл. Жюри отметило и выступление студентов Краснодарского педагогического колледжа с литературно — музыкальной композицией из стихотворных произведений И.Ф.Вараввы «Здесь тихо плакали березы...».

Всем победителям вручены дипломы и памятные подарки.

В Краснодаре в библиотеке имени Юрия Кузнецова прошёл литературный вечер, посвящённый 75-летию со дня рождения поэта. В нём приняли участие руководитель Кубанского казачьего хора, композитор В.Г.Захарченко, председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России С.Н.Макарова, член правления краевой писательской организации В.А.Архипов.

Лауреат государственной премии РФ в области литературы, профессор, автор поэтических сборников и публикаций Юрий Поликарпович Кузнецов родился на Кубани, в станице Ленинградской, отрочество его прошло в Тихорецке, а юность — в Краснодаре. Именно об этих годах жизни юбиляра рассказали собравшимся Розалина Вараввина, журналист из Тихорецка, она училась с ним в одной школе. Елена Неподоба, сохранившая переписку мужа, Вадима Неподобы, друга юности Юрия Поликарповича, а также однокурсники Ю.П.Кузнецова по педагогическому институту, в котором он проучился ровно год. Затем, отслужив в армии, поступил в Литературный институт им. А.М.Горького в Москве. Традиционно уже десятый год в день рождения поэта в Литературном институте проходит научно-практическая конференция, посвящённая творческому наследию Ю.П. Кузнецова. В этом году она началась одновременно с мероприятием в Краснодаре.

К 75-ЛЕТИЮ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

Игорь Тюленев

ИЗ БЕСЕД С ПОЭТОМ

Бесед было много, а записей, к сожалению, очень мало.

26-30 марта 2001 года. Дагестан (Махачкала, Дербент, Гуниб), где во время наших общих поездок и ночных бдений в номере республиканского курортного комплекса «Дагестан» я записал эти разговоры с классиком.

— Игорь, у меня много остается неоконченных стихов и строчек. Хотел все выбросить, самому уже некогда, и время ушло... А потом решил оставить тем, кто придет после. Пусть развивают, пишут дальше. Как у меня, не получится, но что-то, может быть, и выйдет?

— Меня эти слова удивили.

— Кто, кроме тебя, допишет твои черновики?

— Не знаю пока... — как всегда туманно, ответил он мне.

И вот читаю в газете «Завтра» врезку Владимира Бондаренко к последним стихам Юрия Кузнецова «Поэт и монах»: «Еще совсем недавно он неторопливо жег, как ненужные, черновики своих стихов на пустыре возле дачи во Внукове...», а значит, пророческими оказались стихи поэта:

Жизнь улеглась... Чего мне ждать:

Конца надежде или миру?

В другие руки передать

Пора классическую лиру.

Увы! Куда ни погляжу —

Очарованье и тревога.

Я никого не нахожу:

Таланты есть, но не от Бога.

Видимо, никого не нашел или разочаровался во всем. Поэт всегда прав, даже ошибаясь.

Тогда же Кузнецов сказал мне, что пишет новую поэму о происхождении Мирового Зла.

— Данте сколько писал свою «Божественную комедию», лет 8—10? А ты хочешь, чтоб я уже все закончил... Чувствую, что грамоты не хватает (и это говорит мне один из образованных современных писателей), катастрофически не хватает образования. Сейчас восполняю... читаю Блаженного Августина, других европейских мыслителей, а тебе надо читать лучше русских философов.

Их-то я читал, может быть, не очень внимательно. А Блаженного Августина все-таки прочел тоже.

О ЖЕНЩИНАХ И ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

Из Кузнецова: «Женщина, когда пишет, смотрит на мужчину, а мужчина — на Бога!»

Вот как откликнулся Евтушенко на эти воззрения: «Кузнецов заявил, что существует лишь три типа женской поэзии: первый — рукоделие типа Ахматовой, второй — истерия типа Цветаевой, а третий — общий, безликий тип».

О женской поэзии как-то не принято судить объективно и по правде.

А между тем скептически о ней отзывался не только Ю. Кузнецов, но и Гёте, Пушкин и Блок.

Но в последнее время Юрий Поликар-

пович говорил с точностью до наоборот.

Он говорил мне, что женщины стали писать гораздо сильнее, чем мужчины, когда я на эти слова удивленно вскинул бровь, Поликарпович, не моргнув, добавил: «К сожалению, это так. Если на что-то и можно обратить внимание в Литинституте (где он был профессором), так только на женскую поэзию».

Так что статус женоненавистника сплетел с него, как дорожная пыль с плаща поэта.

Видно, в России опять настали те времена, когда только женщины в состоянии спасти Родину, детей, язык и поэзию...

Вот и Иван Шмелёв писал из эмиграции о том, что наша великая литература дала чудесные образцы волевых женщин, девушек русских... куда больше и ярче, чем волевых мужчин.

для сборника.

Потом Решетов присылал мне новые стихи, но они мне не показались. У него короткое дыхание!»

«Многие говорят, что пишут стихи лучше меня, — как-то сказал мне Поликарпович, — вот Устинов, например. Игорь, ты, наверное, тоже так говоришь?» Божиться я не стал, но отвёл все подозрения великого поэта. Вспомнив, как говорил прекрасный поэт Николай Глазков: — «Я лучше всех пишу свои стихи!»...

Нужно заметить, что без влияния Кузнецова — а повлиял он на всю русскую поэзию — я был бы другим поэтом. Он обрушился на нас, как камнепад в горах.

«На «Путь Христа» я бросил все силы, а их у меня немало.

Все стихи я писал вполсилы! А здесь бросил всё, что у меня было.

Напрягся, жаль, что почти никто не заметил, какое эпическое произведение я написал... Александр Пушкин, только к этому подступался в «Вещем Олеге». Пока я писал поэму, я был чист перед Богом, полтора года не пил.

А ты хочешь читать поэму с похмелья, но это же Христос!»

«Игорь, а ведь ты ещё не нашёл свою точку соприкосновения с Богом?» — говорил он мне в те дни.

И тут же советовал прочитать беседы, записанные Мотовиловым с Серафимом Саровским.

Юрий Кузнецов

ГИМНАСТЁРКА

*Солдат оставил тишине
Жену и малого ребёнка
И отличился на войне...
Как известила похоронка.*

*Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!*

*И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...»
И гимнастёрку ей прислали.*

*Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!*

*Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым...*

*...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И - гимнастёрку постирала.*

А наша жизнь подтверждает эти слова. Как-то я его спросил: почему в поэме «Путь Христа» Магдалина ударила Христа по щеке?

«В этом образе я собрал и показал всю женскую суть. Суть земной женщины. Которая ударила в Христе земного человека, чтоб потом пойти за ним, как за Богом, полюбив, как Бога! А в этом случае обиды всех земных женщин подняли руку на Иисуса — не Христа, на земного человека».

Тогда же Кузнецов сказал мне, что пишет новую поэму о происхождении Мирового Зла. Как говорил Юрий Поликарпович: «Когда работа над поэмой была в самом разгаре, я стал бояться выходить на улицу, чтоб не дай Бог, что-нибудь не случилось. Так хотелось дописать её до конца. Ведь если я не закончу поэму, её никто уже не закончит».

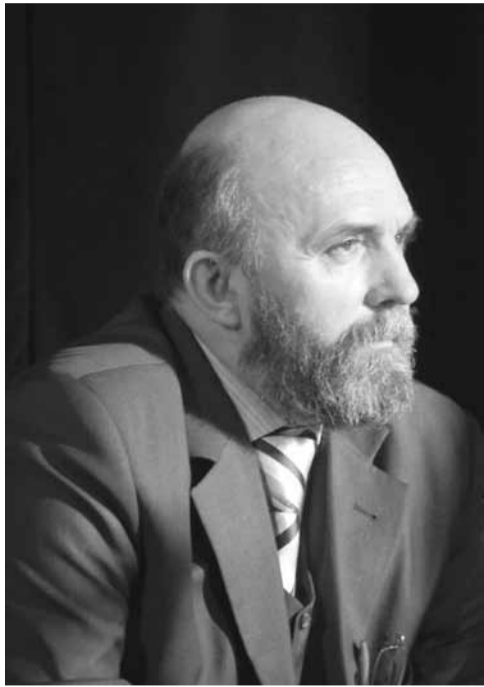
О ПОЭТАХ И ПОЭЗИИ

О моём земляке пермском поэте Алексее Решетове: «Когда-то мне принесли его стихи, и я отдал их Кожинуву

Николай Зиновьев: «Любовь умалывается, зло набирает силу»

На вопросы Светланы Коппел-Ковтун, отвечает НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ, член Союза писателей России, лауреат Международных и Всероссийских литературных премий, автор 26 поэтических сборников

Николай Зиновьев

— Моё знакомство с вашим творчеством началось со стихотворения «Я — русский», которое заканчивается словами:

*И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.*

Потрясающее стихотворение, в нём приоткрывается и правда, и тайна русской души. Пользуясь случаем, спрошу: что значит быть русским на Ваш взгляд? И ещё вопрос: о чём заплакал Бог? — авторское мнение интересно.

— О чём заплакал Бог — тайна. Но я смею предположить: Он заплакал о том, что «Любовь умалывается, зло набирает силу». Это, в итоге, и приведёт к Апокалипсису.

А почему заплакал именно с русским человеком? Тоже смею предположить, потому что Святая Русь — оплот Православия, теряет свою святость, несмотря на множество отреставрированных и построенных храмов. «Русь уходящая» — написал в своё время Есенин. Я думаю, этот процесс ухода русского человека от Бога продолжается, несмотря на внешнее, казалось бы, приближение. Россия и весь мир движутся, ещё

раз повторю, к Апокалипсису. И это не моё личное мнение, как вы понимаете.

— Николай Александрович, вы недавно получили премию памяти Вадима Негатурова — он был нашим соclubником, реальным, а не номинальным, потому для нас стало большим потрясением всё случившееся с ним. В горле ком от прикосновения к теме. Одесса болит, душа до сих пор в шоковом потрясении. Эта трагедия, наверно, обожгла всех нормальных людей. В ней Майдан в полноте явил свою inferнальную суть. Как лично Вы пережили это?

— Страшная трагедия в Одессе — это одна из ступеней, по которым человечество спускается в Ад. Конечно же, это очень печально.

— А у вас есть родственники, друзья на Украине? Что с ними сейчас? Какие у вас с ними отношения?

— На Украине у меня живут две двоюродные сестры и племянники. Но мы потеряли связь со времени распада СССР.

— Вы верите в то, что мы сможем победить в этой схватке с inferнальным дном мира, являющимся его правящей верхушкой? Хватит ли у нас, русских, духовной здравости — той самой русскости, которую ныне требуют выбросить как хлам?

— Разумеется, мы сможем победить зло, сохранить русскость, но это на определённом историческом этапе. Конец света и Страшный Суд неизбежны. Православные люди принимают это как аксиому. А атеисты могут строить какие угодно воздушные замки.

— Ныне требуется демонстрация ненависти и к нашему общему советскому прошлому. Почему? Ваше отношение к СССР отражено в стихотворении:

*У карты бывшего Союза
С обвальным грохотом в груди
Стою, не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.*

*Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей,
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей.*

Могли бы рационально объяснить свои чувства?

— Раздуваемая ненависть к СССР — стремление доказать, что существующий строй является лучшим.

Я не застал ни сталинских репрессий, ни голодомора (о них, кстати, отдельный разговор). Моё детство и юность, и часть зрелого возраста выпали на время, когда мы не знали слов киллер, безработица, частная собственность на природные ресурсы и так далее.

Гонения на церковь я лично не ощущал. Кто хотел, тот верил в Бога и ходил в церковь. А то, что это не приветствовалось властью, так это беда её, а не верующих. Предвижу много возражений, но тем не менее, я думаю так.

— Стихи Вам больше помогают или мешают жить? Вспоминаю строчки:

*Проснусь — и думаю о Боге.
Мурлыча, кот лежит в ногах.
Я нищ, как многие; в итоге
Мне б надо думать о деньгах....*

— Для меня Поэзия — это и молитва, и покаяние, и спасение. Но исчерпывающего определения Поэзии, как проявления тонкого мира, дать, я считаю, невозможно. Оно (определение), как дорога к Богу, у каждого своё.

— Поэтический дар — это крест, благословение, призвание-задание?

— Поэтический дар — это и крест, и благословение, и призвание — задание.

— Сколько Ваших книг издано? Где и каким образом их можно приобрести?

Книг моих издано (не считая переизданий) — 26. Купить их нигде нельзя. Они все разошлись. Можно взять в библиотеках, числа которых я не знаю.

— О чём сейчас пишется?

— Пишется о том, о чём я писал всегда: о душе, о Боге, о жизни во всех её проявлениях.

— А как вы отличаете хорошее стихотворение от плохого, по каким критериям?

— В хорошем стихотворении присутствует Поэзия, а в плохом... если оно плохое, то это не стихотворение, а как сейчас говорят, просто текст.

— У Вас много «производственного шлама», если можно так сказать — неудавшихся стихов? Что Вы с ними делаете? Бывает ли такое, что пишете одно стихотворение на протяжении не-

скольких месяцев, лет, оттачивая те или иные строки?

— «Производственный шлак», конечно же, есть. Вспомните строки Маяковского, где он сравнивает Поэзию с добычей радия. А шлак я выбрасываю в корзину.

Процесс огранки стихов у меня сведён до минимума. Я переношу стихотворение на бумагу, когда оно уже созрело в голове ли, в сердце ли, в душе ли. В разных случаях по-разному.

— Какие из своих стихотворений Вы бы назвали самыми любимыми, отражающими Вашу натуру?

— Любимое стихотворение всегда только что написанное. Почему так? Не знаю. Выражают «мою натуру» все мои стихотворения. Каждое какую-то грань. Каждый человек многогранен без исключения и количество этих граней, по-моему, исчислению не поддаётся, так как мы сотворены по образу и подобию Божьему, а Бог, как известно, не познаваем и не исчерпаем до конца.

— Какую поэзию Вы любите и не любите? Ваши любимые поэты?

— Есть Поэзия, а есть непоэзия. Я люблю Поэзию.

Из любимых поэтов я бы назвал: Лермонтова, Хомякова, Соловьёва, Григорьеву, Гумилёва, Блока, Юрия Кузнецова.

— Что для Вас счастье?

— Понятие счастья для верующего и неверующего различается диаметрально противоположно. Атеист хочет прожить спокойно и комфортно на земле, а православный готов здесь переносить любые испытания лишь бы оказаться в Царствии Небесном. Мне ближе второй вариант.

— Что для Вас Россия?

— Поскольку я поэт, потщусь ответить на этот вопрос стихотворением:

*Стою на берегу реки,
А гладь Россию отражает.
Быть может мы с ней двойники?
Кто знает?...*

*Быть может, я в ней растворился
Или она во мне. Случайно.
Ну, всё. Я тут разговорился,
А это, вероятно, тайна.*

<http://omiliya.org/article/nikolai-zinovev>

К 75-летию поэта Вадима Неподобы

«...НЕСЛУЧАЙНОСТЬ НАША НА ЗЕМЛЕ...»

Строка из стихотворения В. Неподобы «Памяти Валерия Горского»

В 1990-е годы на краевом радио был создан цикл передач под общим названием «Ренессанс». Это была программа рассказов о жизни художественной интеллигенции XX века. В одной из них, записанной краснодарским журналистом Натальей Деняк, принимали участие Вадим Неподоба и Юрий Кузнецов. Это были размышления на тему поэтических поколений. Какой момент можно считать началом творческой жизни художественного поколения кубанцев, которое именуют «средним», что собой представляли эти люди, составившие целую плеяду творчески одарённых личностей? — Таким вопросом задалась тогда Наталья Деняк.

Звезда этого поколения зажглась в годы так называемой Хрущёвской оттепели (середина 1950-х — середина 1960-х годов). Характерными чертами которой, наряду с либерализацией политического режима, относительной демократизацией политической и общественной жизни и другими реформами, явились смягчение цензуры, появление некоторой свободы слова, сравнительно большая свобода творческой деятельности, что было очень важно для людей созидательных художественных профессий.

Конец 50-х — 60-е годы XX столетия характеризовались всеобщей любовью к поэзии, её знали, любили, о ней спорили не только «лирики», но и «физики», казалось, сам воздух

был ею заражён. Громкие читки стихов поэтами — профессиональными и начинающими — проходили в концертных и музейных залах, на улицах и площадях городов крупных, столичных, больших и малых, в том числе и в Краснодаре. Одно из таких мест в краевом центре, где собирались молодые начинающие поэты, — «Скверик со слоником», так называли краснодарцы небольшой сквер, занимавший целый кубик, ограниченный улицами им. Шаумяна (сейчас Рашпилевской), Мира, Октябрьской и им. Орджоникидзе. (Кстати, напротив скверика по улице им. Орджоникидзе находилось здание общежития пединститута, в подвальном помещении которого жили первый год учёбы В. Неподоба и Ю. Кузнецов.)

Именно в это время и состоялась встреча сельских ребят, заражённых этим поэтическим воздухом, — Вадима Неподобы, Юрия Кузнецова и Валерия Горского.

В 1958 году проходил краевой семинар молодых литераторов Кубани, по случаю которого семнадцатилетний школьник Вадим Неподоба приехал в Краснодар. Он позже вспоминал, как побежали «мурашки» по телу, когда попал в эту атмосферу, увидел, что называется «живьём», настоящих поэтов: Виталия Бакалдина, Ивана Варавву, Сергея Хохлова, Крониды Обойщикова. На семинаре он впервые встречается и знакомится со своими сверстниками, приехавшими из Тихорецка, — Юрием Кузнецовым и Валерием Горским.

Подлинное богатство поэзии открылось Вадиму Не-

подобе в полном объёме, когда он стал студентом Краснодарского педагогического института, поступив в 1959 году на историко-филологический факультет. Здесь он тесно сближается с Юрием Кузнецовым, крепкая дружба с которым сохранилась на протяжении всей жизни. «Нежайшему другу» (именно так!), «последнему другу», — писал Ю. Кузнецов на титульном листе сборников, подаренных В. Неподобе, «на крепость и мужество духа», «у бездны на краю» (в годы развала государства). Кажется, до сих пор краснодарские «кабаки, переулки, закаты» (строка из стихотворения Ю. Кузнецова «Прощание с Краснодаром») помнят трех закадычных друзей: Юрия Кузнецова, Вадима Неподобу, Валерия Горского.

Виктор Кириллович Чумаченко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Южного филиала Института наследия, литературовед, исследователь кубанской украинской литературы — во вступительной статье к книге В. Неподобы «Избранная лирика», изданной в Краснодаре в 2011 году уже после смерти поэта, вспоминал: «Каждая из их встреч [Неподобы и Кузнецова. — Е. Н.], которыми он напряжённо жил, была для него всегда радостным событием. Уезжая в командировки, Вадим нередко оставлял мне ключи от своей квартиры, и, лёжа на диване, я перечитывал многочисленные листочки, припиленные на стене у изголовья. Это были автографы стихов и письма от Юрия Поликарповича.

(Продолжение на стр. 3)

К 75-летию поэта Вадима Неподобы

«...НЕСЛУЧАЙНОСТЬ НАША НА ЗЕМЛЕ...»

(Окончание. Начало на стр. 2)

На самом большом листе (кажется, даже на двух) был тогда ещё не опубликованный кузнецовский перевод «Пьяного корабля» Артюра Рембо». (Позднее перевод баллады французского поэта вошёл в книгу Ю. Кузнецова «Пересаженные цветы»).

Только год проучился Юрий Поликарпович в Краснодарском вузе, из-за конфликта с одним из преподавателей Кузнецову пришлось оставить институт. Затем он был призван в армию, отслужил на Кубе в разгар Карибского кризиса, когда решалась судьба планеты была на грани ядерной катастрофы. После армии, уже покидая Кубань, отъезжая в Москву, Кузнецов бросил на прощание своим друзьям: «Я вернусь знаменитым поэтом», – и выполнил своё

обещание, став, по определению критики, «одним из самых ярких явлений в русской поэзии второй половины XX века», поэтом «чрезвычайно редкой группы крови», «наследником лучших традиций русских мастеров слова».

А пока, в годы учёбы, из уст в уста студенты передавали имена представителей более старшего поколения городских поэтов, бывших студентов пединститута, к суждению которых прислушивались, с мнением которых считались. Ранее на факультете учились журналист Эдуард Медведев, Игорь Михайлович Ждан-Пушкин, только что окончил его Владимир Елагин. Они, по воспоминаниям современников, и были одними из тех, близких к студенческой среде, кто в то время формировал городскую поэтическую ауру.

Как вспоминал много позже Вадим Петрович, атмосфера была в большой степени восторженной, дружелюбной.

Юрий Кузнецов сразу обратил на себя внимание поэтического окружения. Многие, в том числе и Ждан-Пушкин, как вспоминал Вадим Петрович, в хорошем смысле «носились» со строчками Ю. Кузнецова «...И снова за прибрежными деревьями / выщипывает лошадь тень свою...». Все начинающие поэты гордились тем, что среди них есть такой талант, способный создать подобный живописный, классически ёмкий образ.

Справедливости ради, следует отметить, что, по словам Вячеслава Огрызко («Кто открыл Юрия Кузнецова» // «Литературная Россия», 13 нояб. 2009), на эти строчки обратили внимание и московские поэты. Весной 1965-го Ю. Кузнецов отправил в Москву в Литературный институт стихотворную тетрадь из 45 страниц «Полные глаза». Рукопись попала к Александру Коваленкову, который отметил как удачные всего лишь четыре строки: «...И снова за прибрежными деревьями / выщипывает лошадь тень свою...», «Капли с куриным упорством клюют» и «...грибы, как настольные лампы». Сомнения Коваленкова («достаточно ли этого для поступления в Литинститут») рассеяли московские поэты Владимир Соколов и Михаил Львов; последний сразу понял, что перед ним «предстал дерзкий

поэт с интересной судьбой», в его стихах он увидел «настоящее, живое слово, неподдельную, истинную поэзию».

Родственники В. Неподобы в связи со студенчеством часто вспоминали случай, вошедший в историю семьи как анекдот.

Понимая, что на стипендию жить очень трудно, родители постоянно поддерживали провизией: картошка, сало, другие продукты – словом, что было дома. Ими набивались тощие сумки студентов. Иногда мать отправляла с передачами в Краснодар младших детей. Однажды посланными стали младшие сыновья Виталий и Юра. Уложив в корзинку всякой снеди, пирогов, они отправились в путь. Прибыли в общежитие во время занятий, ничего не оставалось – только ждать. Сокурсники передали Вадиму и Людмиле (младшей сестре), что их ждут братья с гостинцами. Те обрадовались, Вадим тут же позвал друзей, среди них был и Юрий Кузнецов. Примчались в общежитие, заглянули в корзинку в предвкушении пиршества, а там – пусто, одна картошка. Ожидая, Виталий с Юрием так проголодались, что не заметили, как съели все гостинцы. Разочарование превратили в шутку. Юрий Кузнецов посмотрел на младших братьев Вадима и горестно произнес: «Вы никогда не будете благородными!»

Отличавшиеся и внешностью, и характером, абсолютно непохожие во всём, Ю. Кузнецов, В. Неподоба, В. Горский сдружились на всю жизнь. Очень мощным и внутренне, и внешне, и творчески (как Данте Алигьери – сравнение В. Неподобы), волевым был Юрий Кузнецов. Импульсивный, часто эмоционально несдержанный, Вадим Неподоба мог, невзирая на лица, сказать человеку, всё что о нём думает (позже иногда сожалел, что рубанул сплеча или в пылу спора позволил эмоциям захлестнуть здравый смысл). Тихий, интеллигентный, застенчивый, порой аморфный, безвольный перед жизненными обстоятельствами, Валерий Горский был нежным и тонким лириком. Он, можно сказать, шёпотом, по выражению Н. Деняк, мог достучаться до сердца, даже далёкого от поэзии. Эти трое и в зрелые годы сохраняли большую привязанность друг к другу. Каждый приезд Кузнецова в Краснодар обязательно виделись и не разлучались до самого отъезда Юрия Поликарповича в Москву. Валерий Горский первым оставил друзей, ушёл из жизни весной – это время года он очень любил – 1987-го, не дожив до 46-ти («Я точно знаю, что не буду старым»). Тихо растаяв, он «в юности остался. На ветрах» (строка из стихотворения В. Неподобы «Памяти Горского»).

Ещё один поэт из окружения Вадима Неподобы Николай Постарнак – натура горячая, пылкая. По словам Вадима Петровича, он формировался долго как творческая личность. Судьба помотала его по свету, прошёл «пешком по северам» от Мурманска до Чукотки – не туристом, не наблюдателем – рабочим, охотником, рыболовом. Это обогатило Постарнака как человека, но и что-то им было потеряно. Ведь творчество – ещё и работа за столом, а у него этого стола не было: «Николай – ни кола, ни двора!», близкий к природе он «жил, как птица, где поле и лес, / и по вёдру грибные поляны» (строки из стихотворения В. Неподобы «Памяти Николая Постарнака»). Сам поэт в одном из своих последних стихотворений «Исповедь сборщика лекарственного сырья», написанном в середине 90-х, так сказал о себе: «Ни жилья, ни жнивьё, ни жены, а теперь – и страны!».

Не случайно, что как поэт Николай Постарнак сложился, когда ему оставалось жить не так уж много. Он очень трепетно относился ко всему живому, ко всему существу. Обнимая землю сердцем, весь божий мир, он, по определению Вадима Неподобы, превратился из поэта описательного в поэта созидательного.

Помню последнюю встречу с ним у нас дома. Перед тем как ложиться в больницу на операцию, он из своей «станички» (так Н. Постарнак называл Кутаисскую, где он жил последние годы) приехал в Краснодар. Сразу зашёл к нам, оставил лекарственных трав для меня, мне запомнился особенно

рекомендованный к чаю репешок – я тоже только что вышла из больницы – и ушёл, чтобы уже никогда не вернуться. Вадим Петрович был в больнице, провожал его на операцию, и когда Николай произнёс: «Не поминайте меня лихом!» – сердце Вадима ёкнуло, подумал, что они больше уже никогда не увидятся.

У Вадима Петровича (он тогда работал в Краснодарском книжном издательстве) на рабочем столе оставалась рукопись последних, предсмертных стихов Николая Постарнака. Она ждала издателя, вернее, денег, на которые можно было бы опубликовать книгу, но средства не находились, ведь это были «лихие» 90-е годы. Судьба рукописи мне неизвестна. Знаю только, что какие-то из последних стихов поэта сохранились в магнитофонной записи.

Ещё одно удивительное явление того времени – Юрий Иванович Селезнёв. Книжник, обладавший незаурядным исследовательским даром, будучи немного старше по возрасту (1939 года рождения), он тогда только искал свой путь в литературе. В конце 60-х преподавал русский язык иностранным студентам в Кубанском сельхозинституте. Вадим Неподоба в 1969 году работал в «Комсомольце Кубани» и давал Юрию Ивановичу рецензировать рукописи, присланные в газету. И, как вспоминал Вадим Петрович, было трудно публиковать его рецензии, так как это были основательные исследовательские работы – не газетный материал. Поэтому, когда в краевую писательскую организацию пришла разнарядка в аспирантуру Литинститута, и Иван Фёдорович Варавва, бывший тогда руководителем писательской организации, предложил ехать в Москву попытать счастья Вадиму Петровичу, он отказался: исследовательский литературоведческий путь не

молодые люди пытались найти свой путь и в жизни, и в творчестве. Вадим Неподоба был старостой факультетского литературного кружка. Собирались в аудитории и много говорили, спорили, читали стихи. Головы молодые, горячие, – наверное, было и много лишнего. Как вспоминал Вадим Петрович, он читал стихи о Сталине, не хвалебного содержания, в духе настроений оттепели. Но ничего антигосударственного или антиправительственного. Это не была политическая оппозиция, которая заставляла её участников покидать рубежи страны. Кто-то донёс. Затрясло не только факультет – институт. Вадима Неподобы хотели исключить из комсомола. В этой ситуации мог пострадать больше других Ю. Селезнёв, так как он был партийным человеком. В общем, переживаний хватало с лихвой и кружковцам, и руководству факультета и института. Хотя времена были все-таки уже не совсем те, по выражению В. Неподобы, однако если не в тюрьму, то в психушку засадить вполне могли. Но всё обошлось, судьба миловала.

Из 14 молодых поэтов (вот имена некоторых из них: Валерий Горский, Владимир Елагин, Юрий Кузнецов, Вадим Неподоба, Владимир Шейферман, Татьяна Голуб), чьи стихи вошли в коллективный сборник, изданный в Краснодаре в 1965 году, один, по определению Н. Деняк, стал знаменитым поэтом, пятеро – известными литераторами Кубани, а остальные? – На этот вопрос журналист отвечает так: дело не в том, кем они стали, суть в том, что они составили целое поколение творчески одарённых личностей, оставивших свой след в литературе, истории культуры нашей с вами любимой Кубани. И хочется надеяться, что всё-таки в памяти кубанцев продолжится их жизнь, жизнь другая, вечная, как и у многих русских поэтов, – жизнь после смерти.

Вадим Неподоба, Виктор Дедов, Николай Постарнак

был близок его натуре. Он сразу вспомнил о Юрии Селезнёве и поехал к нему. Селезнёв отбыл в Москву, закончил аспирантуру при Литинституте и за короткое время вырос в учёного, общественного деятеля, мыслителя мирового уровня. Ранний уход из жизни (ему не исполнилось и сорока пяти) этого красивого и внешне, и духом, могучего «русского витязя», «в дозоре, озирающего рубежи родной земли», по выражению Александра Казинцева, не прервал его существования – «Человек жив, пока жива память о нём» (Ю. Селезнёв). Его книга «... бессмертно поле, / Покуда русский есть народ» (из стихотворения В. Неподобы «Памяти Юрия Селезнёва»).

А вот ещё одна примета жизни того времени. Это первое послевоенное поколение студентов (я говорю сейчас о времени и людях – студентах историко-филологического факультета Краснодарского пединститута, не обобщая) не были послушными сыновьями своих отцов, как сказал Вадим Петрович, в беседе с журналистом краевого радио Натальей Деняк. Они шли рядом с официальной линией, не клялись, как было заведено, в верности партии и правительству. Начитанные, довольно образованные

Заканчивая статью, приведу стихотворение Вадима Неподобы – поэта «тонких лирических переживаний», по словам В. Чумаченко, – стихами, будто «навеванными и нашёптанными свыше» (правда, так определил он другое творение поэта «Как хорошо под снегопадом!...», но думается, что приведённые ниже строки не диссонировать высказыванию литературоведа):

*А жизнь, словно гром, разразится!¹
И стихнет за дальней чертой.
Но будут рассветы лучиться,
И ветер вздыхать молодой.*

*И будет в степи полусонной,
Склонившись, дышать горячо –
У края дороги подсолнух,
Подставив рассвету плечо.*

*Путём, что опасен и труден,
И с ношею больше себя
Мурашек карабкаться будет...
И только не будет тебя...*

Елена Неподоба

¹ Стихотворение В. Неподобы «А жизнь, словно гром, разразится...»

ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО УЧЕНИКА

Анатолий Гаврилович Ильяхов Орёл в стае не летает: в 3 книгах / А. Г. Ильяхов. – Краснодар: Флер-1, Книга 2: Уроки Аристотеля. – 2015. – 496 с.

На протяжении веков умы людей невольно волнует и притягивает античный мир. Кажется непостижимым, как люди, жившие несколько тысячелетий назад, смогли добиться столь высоких достижений практически во всех областях науки, культуры и общественной жизни. До недавнего времени античность была предметом внимания в области образования и воспитания молодого поколения во многих странах. В школах царской России детально изучали историю, язык и культуру Древней Греции и Рима. Каждый юноша из дворянской семьи мог, по словам А.С. Пушкина, «потолковать об Ювенале, в конце письма поставить vale, да помнил, хоть не без греха, из «Энеиды» два стиха».

А сегодня лучше не просить школьников назвать даже пару имен выдающихся личностей Древней Греции и Рима, тем более «потолковать» о литературных произведениях античных авторов или о предметах искусства ваятелей того непростого и всё-таки замечательного времени.

Напряженный ритм и вечная занятость не дают современным читателям возможности углубиться в изучение древней истории. Но вот перед нами новое произведение кубанского писателя Анатолия Гавриловича Ильяхова «Уроки Аристотеля», где оказалось возможным совмещение реальных исторических фактов с авторским вымыслом. Книга, написанная живо и ясно, позволяет даже неподготовленному читателю почувствовать Элладу IV века до н. э., в переломный этап её истории, связанный с объединением суверенных греческих городов-полисов перед угрозой персидского нашествия.

Автор знакомит читателя с выдающимися личностями того времени – философами, государственными деятелями, военачальниками, а также «людьми из народа». Герои романа, свободолюбивые и мужественные, мудрые и бесхитростные, не прощающие подлости и предательства, вполне достойны нашего уважения и подражания.

«Уроки Аристотеля» – вторая часть исторической трилогии А.Г. Ильяхова «Орёл в стае не летает». Читатели, вероятно, помнят, что в первой части «Знак Зевса» речь идёт о македонском царе Филиппе II, отце Александра Великого. Но тот, кто не успел прочитать первый роман, вполне может начать чтение со второго, поскольку автор выстроил трилогию так, чтобы каждая часть представляла собой отдельное законченное произведение.

Об Александре Македонском написаны сотни художественных книг и научных исследований. Казалось бы, что нового можно ещё нам поведать? Но автор предлагает читателю взглянуть на легендарного полководца, как говорят, «в другом ракурсе». Писателя не столько интересует Александр, как наследник царского престола Македонии, сколько вопрос, какие обстоятельства позволили ему проявиться в качестве гегемона Эллады? В чем причина его удивительных военных успехов?

Два неординарных человека повлияли на формирование личности будущего гениального полководца. Один из них – отец, от которого Александр унаследовал любовь к военному искусству и амбиции завоевателя, другой – мудрейший наставник, известный греческий философ Аристотель, который, помимо научных знаний, привил царевичу живой интерес к эллинской культуре.

В большинстве литературных произведений военные заслуги Александра Македонского, как правило, затмевают деяния отца. Но царь Филипп – фигура, не менее значимая в истории Греции. При его непосредственном участии Греция впервые обозначила себя полноценным национальным государством, а не ассоциацией независимых городов-полисов. Филипп предпочитал решать государственные задачи взвешенной политикой, дипломатией и зрелой мудростью на переговорах, в конечном итоге стремясь к миру в гражданском обществе. Совсем по-другому действовал Александр. Он создавал собственную державу с монархической формой управления силой оружия, беспримечной жестокостью по отношению к народам и даже ближайшему окружению друзей.

Поскольку в представлении большинства читателей македонский царь Филипп остаётся только «отцом Александра Великого», А.Г. Ильяхов исправляет такую «несправедливость». Именно от Филиппа девятнадцатилетний Александр унаследовал реформированную профессиональную армию, что способствовало ему решать любые стратегические задачи. Необузданный характер Филиппа не помешал ему остаться в истории великим полководцем и мудрым государственным деятелем.

Наставник юного Александра, греческий философ Аристотель, проникший почти во все области человеческого познания, по праву считается выдающейся личностью. Показывая Аристотеля в различных ситуациях: в общении с царём, советниками, академиками-философами

или учениками, А.Г.Ильяхов представляет своего героя не вырубленной из мрамора статуей, а живым человеком. Мы видим Аристотеля в научных диспутах и в домашней обстановке, на учебных занятиях и дружеских застольях... С каждой новой страницей яснее представляем себе могучий ум и неординарный, в чем-то противоречивый характер великого мыслителя древности.

Особенно интересны и познавательны в романе «уроки Аристотеля», дающие наглядное представление об образовательном процессе в древнегреческом обществе. Рассматривая возможные кандидатуры на роль учителя и наставника для своего наследника, царь Филипп останавливает выбор на малознакомом пока философскому миру Аристотеле, преподавателе афинской академии Платона, и приглашает в Пеллу в самый сложный период противостояния между Македонией и Афинами. Аристотель не отказывается от предложения, воспринимая свою будущую работу как возможность реализовать мечту философ-идеалистов – соединить тиранию власти с демократическими ценностями. В конечном итоге ему это не удаётся, но о провале своей идеи Аристотель узнает слишком поздно...

Показывая учебный процесс, принятый в Древней Греции, автор романа ничего не придумывает. Его повествование основано на глубоком знании темы, изучении античных первоисточников и научных трудов. Вместо индивидуаль-

ри, властолюбивой Олимпиаде, подросток не может открыть сомнений, которыми делится с учителем, как с другом. За искреннюю привязанность Александра, у которого сложились трудные отношения с отцом и матерью, автор романа готов простить Аристотелю не всегда понятные сейчас привычки и особенности характера. Писатель словно говорит нам: «Не Аристотель был жесток: жестоким было время...»

То же самое можно сказать и о царе Филиппе, истинном сыне своего бурного, не всегда разумного века. После победы при Херонее пьяный Филипп, словно варвар, бесстыдно обнажившись, пирует и пляшет среди тел поверженных врагов. Его поведение вызывает резкое осуждение юного наследника, воспитанного по нравственным канонам античной литературы. Но Аристотель, которому Александр изливает душу, терпеливо объясняет, что осудить человека очень легко, гораздо труднее его понять, даже если он родной отец.

Царь Филипп, как и в первой книге трилогии, романе «Знак Зевса», обаятелен не только в своих достоинствах, но и в пороках. Дело не только в парадоксальной «притягательности зла». Филипп ведет себя так, как требует его собственная неукротимая натура. Будь он другим – получилась бы фальшь, не только историческая, но и прежде всего художественная.

Описание сражения при Херонее, в котором сошлись в смертельной схватке сводное ополчение греческих родов и македонское войско – большая творческая удача писателя. Документальных свидетельств самого главного в истории Греции события почти не осталось, но автор проявил себя настоящим баталистом, описав битву так, словно сам был её прямым свидетелем и даже участником.

Образ Александра показан в развитии: мальчик, подросток, юноша. В начале повествования он ничем не приметен, кроме безудержной заносчивости. Но, по мере взросления, с каждым новым «уроком Аристотеля» мужает его характер, крепнет тело... Царевич помнит о своем великом предназначении, во имя которого готов переносить любые испытания: есть грубую пищу, ходить босиком по камням, даже терпеть жестокие наказания розгами. Какая радость засветилась в глазах Александра, когда в присутствии отца ему удалось укротить горячего дикого жеребца, ставшего для него потом боевым другом Букефалом! Подросток старается вести себя так, чтобы в будущем стать великим полководцем, достойным преемником отца:

– Когда стану царём, я пройду по всем землям, чтобы меня узнали все народы мира. Я хочу увидеть край Ойкумены*.

Но молодой задор, романтическое отношение к жизни, беззаветная любовь к близким людям – всё рушится, когда Александр узнает об ужасном предательстве отца...

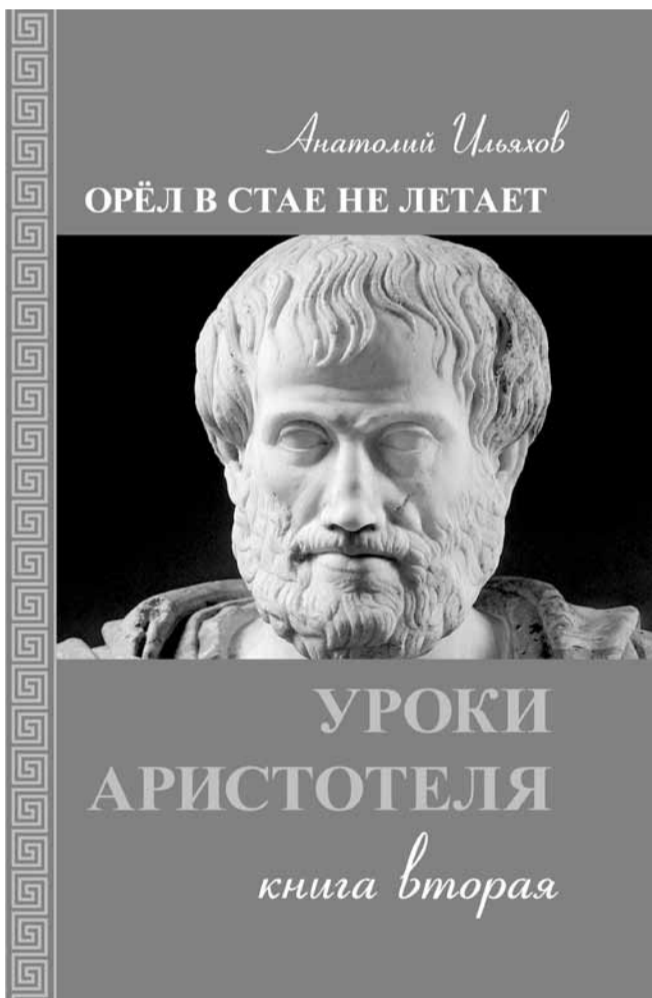
Отвергнув законную супругу Олимпиаду, мать Александра, Филипп женится на юной Клеопатре, годящейся ему в дочери. Для Александра ситуация усложняется тем, что отец готов объявить наследником младенца-сына, родившегося в браке с Клеопатрой. Семейный конфликт переворачивает всё в сознании Александра, заставляет его «досрочно повзрослеть». Душевные муки, буря ненависти, kloкоущие в юношеской груди, находят выход в безрассудных выходках Александра на свадьбе Филиппа и Клеопатры, что вызывает ответную агрессию со стороны царя и его гостей. Происходит ужасная ссора, грозящая Александру не только отречением от наследования, но и реальной смертью. В этих обстоятельствах Александр уже не мальчик, а мужчина, воин. И даже вынужденное примирение с царём не может вернуть его в прежнее состояние безоблачного детства, любви и безграничного доверия к отцу.

Неожиданное убийство царя Филиппа телохранителем Павсанием в финале романа само по себе могло бы лечь в основу отдельного произведения, настолько оно непонятно, запутано и таинственно. Но писатель сознательно уходит от соблазна «развлечь» читателей детективной историей. Не в этом идейный замысел романа. Смерть Филиппа показана предельно кратко: под ударом меча царь «дернулся телом», «медленно осел». Александр успел перехватить последний взгляд отца, исполненный удивления и ужаса...

Роман Анатолия Гавриловича Ильяхова – не развлекательное чтение, а добротный, объемный художественно-популярный труд, дающий читателю полезную пищу для ума. Элементы беллетристики оживляют серьезное историческое повествование, а некоторая велеречивость стиля вполне оправдана: ведь писатель показал нам великую цивилизацию, сокрытую в глубине тысячелетий.

Особенность истории человеческого общества состоит в том, что чем дальше прошлое уходит от нас, тем сильнее оно романтизируется в нашем сознании, становится возвышено-приподнятым. Энергетика романа А.Г. Ильяхова «Уроки Аристотеля» невольно передается читателям, заряжая их стремлением хоть на время вырваться из повседневных будней ради того, чтобы познать и полюбить давно ушедший, но безгранично интересный неведомый мир, имя которому – Античность.

Людмила Бирюк.

ных занятий с царевичем, на чём поначалу настаивал царь Филипп, Аристотель устраивает совместное обучение со сверстниками Александра. По его мнению, так ученики легче воспринимают трудный материал. Всё элементарно: наглядные уроки на природе, свободное обсуждение темы, уважение мнения ученика, каким бы странным оно ни казалось на первый взгляд. Проводя занятия в таком виде, Аристотель предугадал, как пылкий ум подростка обращался к главной цели: к познанию законов развития природы и общества. Словно между строк, А.Г. Ильяхов напоминает современной образовательной науке о существовании античной педагогики, созданной усилиями греческих мыслителей. Оказывается, в учебных методах Аристотеля содержится много интересного и для сегодняшней школы!

Наставник оказался не только мудрым педагогом, но и старшим другом своего ученика. Шесть лет учебы сформировали характер Александра, отразились на его мировоззрении и отношении к людям. Но главное, «уроки Аристотеля», эллина по крови и демократа по убеждениям, понадобились молодому царю, чтобы окончательно определиться в целях и задачах власти, государственной политики.

Аристотель в романе А.Г. Ильяхова не «положительный герой» в традиционном смысле. Писатель порой рисует его хитрым дипломатом, заботящимся, прежде всего о своей карьере, славе и признании собственного учения. Иногда он предстает, как настоящий националист, пекущийся о главенстве эллинов над остальным миром, где живут варвары, якобы, уготовленные природой для рабства. Философ бывает груб и даже жесток по отношению к оппонентам. Он не щадит даже любимого учителя Платона, который вынужден покинуть его, не стерпев неприкрытого хамства...

В то же время во дворце македонского царя Аристотель – единственный человек, к которому в трудные минуты жизни стремится взрослеющий Александр. Даже обожаемой мате-

КНИЖНЫЙ МИР

СВЕТЛА ОНА, ДУША ПОЭТА
О новой книге В.А. Архипова «И радость и боль»

Владимир Афанасьевич Архипов – талантливый поэт, наш современник, автор более двадцати книг для взрослых и детей, лейтмотив которых можно обозначить как Любовь к родной Земле и людям ее населяющим. Он давно полюбился читателям разных поколений, различия профессий, жителям города и села за искренность и удивительную ясность поэтической мысли, задушевность и теплоту, доверительность и доверие к людям и миру.

Свою новую книгу стихов «И радость и боль» В. А. Архипов посвятил 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Композиционное строение книги таково, что каждая глава раскрывает новую грань бытия человеческого. В первую главу вошли стихи о войне и беспредельном героизме народа. Автор преклоняется перед бессмертным подвигом отцов и дедов. Вторая глава раскрывает мир ребёнка, детей, ради жизни и счастья которых и была отдана та высокая цена – цена миллионов человеческих жизней. В третьей главе поэт отдаёт сыновнюю дань родной земле и воспевает чувства к Матери. Четвёртая глава посвящена любви к Женщине. В заключительную главу вошли восьмистишия, общее название которых – «Обнять всю Землю хочется!». Таким образом, лейтмотив творчества В. Архипова – Любовь – красной нитью проходит через все главы новой книги, и градус этой безусловной любви все время нарастает, связывая воедино всё, что передумано и перечувствовано поэтом.

Владимир Афанасьевич – сын солдата-орденоносца, дошедшего до Берлина. Поэтому первый раздел книги называется «Жива отцовская отвага» и посвящена памяти отца – Афанасия Архипова.

*Над русью века проплывают.
Герои уходят в гранит.*

*Отчизна, бывшее лися,
О подвигах память хранит.
Это эпиграф к первой главе книги. Да, прошло 70 лет, и остаётся все меньше очевидцев той страшной войны. Герои уходят в гранит. Но жива наша память о них и об их подвиге. Каждое стихотворение этой главы словно дышит гордостью за простого русского солдата:*

*Солдатские награды отец мне передал:
– Знай, русского солдата никто не побеждал!*
(Из стихотворения «Русский солдат»).

Сыновней любовью наполнены строки стихотворения «За что я Родину люблю». Каждое слово несет непоколебимую веру в могущество русского народа и Святой Руси:

*Скажу я мертвым и живым,
Скажу я Родине любимой:
Наш русский дух – несокрушим!
Святая Русь – непобедима!*

Прочитав эти строки, хочется бросить клич: русские люди, да приснитесь же вы! Ведь вы сильны духом! Поднимитесь с колен! Расправьте свои богатырские плечи! Встаньте всем миром за Святую Русь!

В новый сборник вошли стихотворения В. Архипова для детей, стихи о любви, о Родине, словом – о той жизни и людях, которые окружают поэта. Их думы – его думы, их чувства – его чувства. С неподдельной простотой говорят поэтические строки о самом сокровенном в жизни человека – о его главном предназначении: учиться любви к жизни и к людям.

В стихотворениях для детей автор любовно рассказывает читателю о детском мире маленькой Вареньки – любимой внучки поэта.

Мир глазами ребёнка раскрывается перед нами с удивительной поэтичностью и чистотой. Суметь войти в мир детской души, увидеть в обычных вещах и предметах нечто загадочное и удивительное – это редкий дар. Каждый маленький детский стишок только на первый взгляд кажется простым и незамысловатым. Вчитываешься – и раскрывается удивительный мир чистоты детского восприятия, естественности и подкупающей наивности: мир зверей, птиц, природы, всего, что сливается в общей гармонии и единстве. Как прекрасно было бы, если бы мы, взрослые, умели сохранять эту чистоту и гармонию в своей душе! Наверное, тогда мы могли бы увидеть, как «море улыбается», услышать в голосах природы «дивный хор», заметить, как «в праздничной косынке вербы на нас глядит весна!»

Следующая глава книги В. А. Архипова называется «Слова святые – Родина и Мать». Родная земля автора – северная Россия, где протекают реки Кама и Вятка, где художник Васнецов черпал вдохновение для своих сказочных полотен. Стихотворения этой главы наполнены воспоминаниями о тяжелом, но по-своему счастливым военном детстве: «Наша жизнь – как густок боли, маму ждёт ржаное поле». (Из стихотворения «Улыбка мамы»). Ведь: «Счастье – это просто жить!». Жить – это неживать и не копиться богатством, не гнаться за длинным рублем. Жить – это радоваться новому дню, встречать рассвет, бродить в поле, вдыхать воздух родных просторов, а еще уметь разглядеть в каждом маленьком

событии его потаённый смысл, почувствовать внутреннюю силу, энергию и душу во всей полноте жизни:

*Прав Есенин, пророк и поэт,
(Песнь поэта – молитвенник века) –
Если Родины-солнышка нет,
Значит нет на земле человека!*
(Из стихотворения «Благодарение»).

Какие простые и мудрые мысли! Кажется, как просто: живи, человек, в миру и с миром. Но оказывается, что жить так – значит постигать смысл бытия, значит суметь понять что-то очень важное для себя и главное в своей жизни. Не каждому это дается легко и просто. В. А. Архипов как поэт-мыслитель, поэт-философ, удивительно просто и без мудрствования лукавого поднимает своего читателя на эту высоту осмысления жизни так, что «хочется плакать и жить!»

Эта высокая нота звучит и в стихах о русской земле и её великих сынах, и в стихах, посвящённых самому дорогому и близкому человеку – Матери. Любовь к миру, восхищение его красотой, преклонение перед неисчерпаемой силой духа русского человека. И – Вера!

*Только с Верой мрак осилим,
Отстоим любовь свою!
...У величия России
Верным ратником стою!*
(Из стихотворения «В Александроневской Лавре»).

Тему любви продолжают стихи, вошедшие в главу «Удивительные дела – бровью девушка повела». Переживания сердца, вся палитра чувств – от тоски и одиночества до гимна абсолютной красоте Женского начала, любви к Женщине

как воплощению нежности и целомудрия – все оттенки и тончайшие переливы чувств передают стихи В. Архипова. Мимолетные встречи и впечатления, детские влюбленности, зрелые чувства, взгляды со стороны, самые разные ситуации, связанные с житейским опытом – все это запечатлелось в поэтических строчках. Но несомненно одно: «Женщина – это жизнь» – это и неоспоримый факт, и название стихотворения:

*Ты – удивление
Ты – вдохновение.
Чудо весеннее,
Радость, спасение.
Ты – и начальница,
Ты – и печальница,
Песнь величальная,
Жизнь обручальная!*

Единение мужского и женского начала, две половинки целого – мужчина и женщина, которые ищут друг друга и находят – так понимает автор земную любовь двух сердец, воспетую в веках: «Всего один рецепт даю: ищите женщину Свою».

Поражает и удивляет устойчивый интерес читателей к творчеству русского поэта. Судя по отзывам в интернете, его новую книгу прочли уже в 105-ти странах мира. Мне подумалось, что из содержательных, искренних писем поэту можно бы составить поучительный учебник нашего бытия. Здесь мне хотелось бы привести всего один отклик из краевой газеты «Кубанские новости» на стихи В. А. Архипова ветерана Великой Отечественной войны. Вот эти строки – «Мы греемся от ваших стихов, как от солдатского костра».

Прелестивая страница новой книги стихов В. А. Архипова, хочется добавить: ищите, находите и берегите это драгоценное чувство влюбленности в Жизнь!

Людмила Светухина,
кандидат педагогических наук.

ПРОЗА

Валерий Журнега
Новороссийск

ДРУЖИНА

Очередной рассвет на военной базе вертолётного полка выдался непривычно хмурым. Повышенная влажность высокогорного воздуха вводила в противный озноб. Очень низкие, тяжелые от воды облака лениво сливались многочисленными прядями в низины, обещая в скором времени парализовать аэродром нелётной погодой. Но, несмотря на неблагоприятные метеоусловия, три винтовые краснотельные машины разом взорвав грохотом мощных двигателей тишину афганской земли, всё же дружно поднялись в воздух.

Впереди шла основательно напичканная вооружением «боевая крепость» майора Журавлева. За ним, буквально присев ему на хвост, уверенно держалась транспортная «вертушка» молодого лейтенанта Чижева. Их догонял заметно похмелившийся с утра капитан Шипулин. Боевая тройка беспрепятственно приближалась к цели, поставленной командованием: вырвать из окружения отряд полевой разведки.

Вот уже густая пелена тумана, переполнявшая глубокие ущелья, осталась позади, а впереди открывалось сияющее бездонной ширью лазурное небо. Яркое солнце празднично искрилось в разреженном высокогорном воздухе.

Вдруг, почти на выходе из самого узкого места последнего ущелья, машина Журавлева стала резко разворачиваться на солнце, крутым виражом стараясь набрать высоту, а молчаливый до этой минуты эфир наполнился его, Журавлева, матерной руганью. Изрыгнув из левого подкрылка несколько ракет, вертолет, оставляя за собой шлейф жирного черного дыма, с большим креном пошел вниз на внезапно оштетивившиеся огнем горы, подставляя врагу голое незащитное днище... Ударная волна мощного взрыва чуть не опрокинула легкую чижевскую машину. Бедовому Шипулину злополучным взрывом начисто отрубил хвост и неуправляемая «вертушка», крутясь бешеным волчком, ударилась с разгона о гранитный монолит утеса и рваными фрагментами ссыпалась вниз. Лишь лейтенанту Чижеву повезло: он сумел-таки проскочить замаскированную вражескую засаду, и через какие-то минуты его вертолет уже висел над тем местом, где советские воины стойко держали оборону.

Не переставая отстреливаться, бойцы в мгновение ока заполнили до отказа «вертушку». И тут оказалось, что всерьез вертолет вывезти просто технически не может. Первым прыгнул обратно на землю командир отряда. За ним

следом, прихватив с собой оставшийся боекомплект, выскочили из машины несколько отчаянных разведчиков. Чижев поднял в воздух облегченную «вертушку». Счастливчиков надежно и мужественно прикрывала оставшаяся горстка бойцов, обреченных продолжать бой, почти не надеясь на счастливый его исход.

Случившаяся буквально на глазах Чижева трагедия, в которой погибли два его однополчанина, два боевых друга потрясла его до глубины души, нестерпимо больно отозвалась в сердце. Скорей, скорей от этих ущелий, будь они трижды прокляты, вывози на равнину, родная «вертушечка!» Давай, давай, вся надежда на тебя!.. Но внезапная мысль заставила его на мгновение похлопотать, а затем бросила в жар: «А что будет с теми, кто остался прикрывать его вертолет?» Два противоречивых чувства боролись в его душе, и каждое отстаивало свою правоту. Одно, естественное для любого живого существа, подсказывало, что самое главное – это выбраться невредимым и не его, Чижева, вина, что в «вертушке» не нашлось места для всего отряда. В конце концов машина не резиновая... Доводы были резонные и Чижеву очень хотелось согласиться с ними, если бы не другой внутренний голос, который все громче и настойчивее утверждал: «А как же долг? Честь русского офицера? Ты просто оправдываешь свою трусость, чтобы не сказать предательство, когда ссылаешься на малую вместимость машины. Забыл святую заповедь полководца Суворова: «Сам погибай, а товарища выручай». А те, кто добровольно выпрыгнули из вертолета, — они знали, что их ждёт смерть, но они остались, чтобы спасти остальных. Они – герои. Вернись! Забери их! В противном случае придется тебе до конца своих дней каяться и заливать незаживающую рану горькой водкой, как это делал погибший только что капитан Шипулин...»

Решение было принято. У напарника Чижева глаза на лоб выкатились, когда вертолет круто развернулся на сто восемьдесят градусов. Жестким голосом, не допускающим ни малейшего возражения, Чижев приказал:

— Все лишнее из машины вон!

Через несколько минут жужжащая «вертушка» вновь зависла над головами занявших круговую оборону советских солдат... Последним отходил худой и длинный, с болтающейся каской за затылком, пулеметчик. Азарт горячего боя захватил его настолько, что он продолжал упрямо бить по врагу хлесткими очередями даже из дверей вертолета, щедро посыпая горячими гильзами переполненное людьми чрево машины, пока не кончились патроны.

— Давай, милая... Давай, родная... — умолял свою железную птицу Чижев. И она, словно понимая своего начальника, натуноко дрожала, начала медленно, медленнее, чем хотелось бы! — набирать скорость и высоту.

Уразумев наконец, что добыча, которая была у них почти

в руках, ускользает, враги открыли по вертолету яростную пальбу. Бесконечно длинная очередь трассирующих пуль прошла под днищем перегруженной машины, чудом не задев ее. Совсем рядом жутким стервятником пролетела выпущенная из гранатомета граната. Чижев непрозвонно сжался в комок, каждую секунду ожидая самого худшего... Обреченная, казалось бы вертушка, наперекор всему, подчиняясь воле своего командира, убиралась все дальше и дальше из зоны прицельного обстрела.

Пролетев над ущельем, где погибли два его сослуживца, лейтенант с опаской покосился на место, где была ловко замаскирована засада. Спаренная пушка тонкими стволами тупо смотрела в небо. Живой obsługi рядом видно не было.

— Попал-таки майор Журавлев своей ракетой, — с благодарностью подумал Чижев. И на опустевшую сопку, где прятался враг, посыпался с ясного неба всё сметающий град, сея панику и смерть.

Уже дома, в привычной сутолоке родного аэродрома, санитары забирали раненых. Своей очереди ожидали те, кому уже было всё равно. Чижев с напарником пересчитывали пулевые отверстия в обшивке транспортной «вертушки», поражаясь их количеству. Бравая горстка разведчиков держалась рядом с командиром, жадно курила в стороне от своих товарищей. Поджарый пулеметчик, всё ещё продолжая находиться под эффектом крепкой передраги, никак не мог расстаться со своей пустой «пушкой»: держал её наперевес. Чижев уверенной походкой бывшего солдата подошёл к ним, и, крепко пожав сильную руку такого же молодого, как и он сам, лейтенанта, сказал с восхищением:

— Ну, ты даёшь, командир. Я бы так, как ты красиво, на верную смерть, не смог бы... Были бы у меня ордена, тебе и твоим надёжным пацанам вручил бы самые старшие... Но за неимением их, на вот, держи...

Разведчик, скаля в улыбку прокуренные зубы, ловко подхватил на лету обтянутую маскировочным чехлом солдатскую фляжку, и она булькнула своим спиртовым нутром в его крепких руках. Остальные, достойно оценив щедрый подарок летуна, благодарно посветлили лицами в ответ. Чижев ещё хотел бы пообщаться с этими стойкими, как кремень, парнями, но долг службы обязывал поспешить на доклад к начальству.

Скверный прогноз погоды на сегодняшний день не оправдался. Небо над аэродромом, вопреки предсказаниям синоптиков, раскрылось. Ревели двигатели, поднимаясь ввысь, и опускались с небес на взлётку вездесущие воздушные машины. Суетилась неугомонная обслуга. Белые, непорочно чистые облака, гонимые ветром, бежали на север, унося с собой души убиенных сегодня. Огромный орёл парил в потоке воздуха чуть ниже облаков, зорко высматривая себе добычу. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что...

ГОЛОСА РОССИИ

Ренат ХАРИС

Казань

КЛЯТВЕННАЯ ЧАША

Поэма

В год 6493 (985). И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть».

«Повесть временных лет».

Я круглый камень бросил в Волгу с кручи, и он сверкнул, дно озарив огнём. (Так луч порою разрывает тучи...) И древний век – сомкнулся с новым днём!

И прокатились кольца волн, переча теченью лет, что тают вдалеке. И всплеск от камня двинулся навстречу волнам, гонимым ветром по реке.

Отдавшись воле волн, я то ныряю в глубины Волги, достигая дна, а то с потоком дерзостно играю, вдаль уплывая через времена.

Я погружаюсь в струи дум горячих, в них растворяясь, как в воде речной, перемешавшись с пляской капель зрячих и говорящим ветром над волной.

Я стал землёй. Мой путь безмерно долог... Во мне – века. Исследуй, археолог!

...Возле Днепра, на берегу высококом стоит Перун, тьму прожигая оком, а князь Владимир, встав на косягор, швырнул полено крепкое в костёр.

Взлетела к небу туча искр слепящих, сорвав среди ночи сов на ветках спящих, и свет багровый чашу окровил, и лик Перуна ужас искривил.

И обожгло сверкающее пламя, усы Перуна, взмывшие, как знамя. И князь Владимир, будто звоном струн, вспугнул мрак словом: «Мир тебе, Перун!

Благодарю тебя! Перед тобою – горит полено, брошенное мною. В том вижу я благословенный знак, как будто то – возвращённый нами знак.

Снесу я всё – удары и пожары и двину рать в Великие Булгары, поскольку царь булгарский – Мухаммат купцов пустился грабить из засад, дома их сделав жалкими гробами, а их самих вдруг обратив рабами...

О, Русь, твой лик, где чёрная зола, в крови врагов отмою добела!

Благослови, Перун! Со мной Добрыня, его душа сияет, как святыня, а за спиной – дружинников ряды, чьи копыта остры, а мечи – тверды.

Пошли, Перун, твоё благословенье – пускай взлетит до туч народа пенё и, нам даруя слаще всех чудес, на Киев счастье спустится с небес!..»

...И князь сошёл – туда, где Днепр бежит, листовая волны, как страницы книжник. Щитами лодок каждый борт обшит... А князь в руках несёт с собой булыжник!

Весь Киев утром к берегу идёт, где князь готов плыть за врагом по следу, и русский люд ему удачу шлёт, ну, а Руси – и славу, и победу.

Взойдя на острый нос своей лады, князь бросил людям клич под облаками: «Мои родные, близкие мои, в моих руках вам ясно виден камень?»

Моё решенье – камня тяжелей, который в Днепр я брошу нынче смело. Коль слово дал – то силы не жалей: или нырни за ним, иль сделай дело...»

И князь булыжник бросил в недра вод, уняв смятенье, что тревожит душу. И стон протяжный выдохнул народ, увидев мать Владимира – Малушу.

И словно чайки голос прозвучал, опять родив в сердцах людей кошмары: «Не покидал бы, княже, ты причал, и не водил бы воинов в Булгары.

Кровь отмывая с воинских одежд, истёрли руки матери до крови. Истлели в душах капельки надежд, устав от горя днями хмурить брови.

Уж сколько лет отец твой Святослав мне ранил душу долгими годами, среди днепровских сгинув переправ. Теперь и ты идёшь его следами...»

И в этот миг дохнул с высот Стрибог, грудь парусов наполнив ветром туго. И, покидая свой родной порог, уплыли лодки, торопя друг друга.

Плескался в берег голубой поток, над отчим краем небосвод был светел. И не услышал над рекой никто, что князь Владимир матери ответил...»

В шатре высококом, лёжа на коврах, витая слухом в сказочных мирах,

царь Мухаммат внимал стихам поэта, что в честь его он сочинял с рассвета.

Но тут вбежал примчавшийся гонец. «О, ильтабар! Нам близится конец! С той стороны, где спать ложится солнце, я видел пыль, что над степями вьётся, и плеском вёсел полнится вода! Знать, к нам с Руси грозу несёт беда».

И на коврах привстал царь Мухаммат: «Я и плохим вестям бываю рад, когда их кто-то вовремя приносит... Гонцу отсыпьте, сколько он попросит!

И собирайте полководцев в круг да аксакалов – нынче не досуг...»

Ну, а когда пришли мудры и седые все те, кого созвали для беседы, царь вышел к ним и спросил народ: «С чем нам встречать того, кто к нам идёт? Коль у него за пазухой – камень, его встречать нам с голыми руками? Или с мечами выйти из-за скал, иль стол накрыть, чтоб всем он взор ласкал?..»

И вышел в круг старейший аксакал: «Того, кто к нам идёт с тяжёлым камнем, мы встретим с миром – и друзьями станем, не пожалев для них горячих слов. Они – соседи. Надо слать послов».

«Ты справедлив!» – глаза царя зажглись. И поддержал его слова меджлис...

(Гул этих слов я услышал в груди, как будто это – дальний гром гудит! И этот гул стелился по земле, качая воду и клубясь во мгле.

О, археолог! Вскрой пласты песков – услышишь в них слова былых веков...)

...В шатре высококом для гостей накрыт огромный стол, где блещут чаши, блюда. Стол не простой – его нарядный вид всех соблазняет яствами, как чудо.

Лаская слух хозяев и гостей, слова летят, как птичьи песни в чашу. Кровь не пуская, не дробя костей, по кругу носят клятвенную чашу.

Из года в год – мы рубим, как леса, друг друга в битвах, не чураясь боли... А столько душ умчалось в небеса, через века летя, как через поле!

Земля устала слышать стук голов, летящих с плеч в боях неумолимых.

1Ильтабар – тюркско-татарское Иль (страна) + табар (найдёт). То есть: нашедший свою страну, свою родину. Во времена князя Владимира это слово значило титул правителя Булгарского царства.

Грядущий век заждался сладких слов, истосковавшись по глазам любимых...

...И вот в шатре все сели чинно в ряд – Владимир-князь, Добрыня, Мухаммат, богатыри Владимировой рати, Мухаммата воины и братья.

И встал со словом первым царь Булгар: «Нам с русским князем не чинить впрямь свар. Купцов не грабить, не пускать их крови, жить по-соседски – в дружбе и в любви. А если эту клятву мы нарушим – то пусть нам вынет сталь из тела души!»

И он из ножен саблю обнажил – и перед русским князем положил. А добрый гул поплыл вдоль вод и суши: «Пусть наши сабли рассекут нам души...»

И вслед за этим встал Владимир-князь: «Мы укрепили с Мухамматом связь и затвердили прочно в договоре, чтоб кровь не лить, неся друг другу горе, вести торговлю не мешать купцам, дать жить в родстве отцам и молодцам, а тем, кто этот договор нарушит – Перун пусть гром на них с высот обрушит, Стрибог сотрёт о них в столетях быть и над морями их развеет в пыль».

И сняв шелом, поставил его рядом с положенною саблей Мухамматом. И добрый гул качнулся, как ковыль: «Пускай Стрибог развеет нас, как пыль...»

Водою волжской чашу сам наполнив, царь Мухаммат её над пиром поднял и князю дал Владимиру глотнуть – мол, нашей дружбы вкус не позабудь.

Затем кремь он вынул из кармана и, чтобы в том не видели обмана, его пред всеми в чашу опустил – и на поверхность он уже не всплыл.

И Мухаммат сказал, взмахнув руками: «Когда в воде вдруг станут плавать камни, а хмель потонет в чаше, как сапфир, тогда меж нами – прекратится мир!»

«Да будет так!» – сказал Владимир громко. – Пускай из чаши льётся через кромку по миру дружба наша, как вода. Из век в век! Отныне – и всегда!..»

(...И в том шатре – я тоже тайно был, воды из чаши клятвенной испил, и та вода – мне душу оросила, чтоб в ней навеки укрепилась сила...)

Перевёл с татарского языка Николай Переяслов

ДЕБЮТ

Дарья Тоцкая
Анапа

Что снится городу N

Вот и настал момент, когда пассажиры автобуса, мои одноразовые попутчики, устроили состязание «чье такси приедет быстрее». Для многих обшарпанный и шаткий на поворотах Икарус с сальными шторками сменило личное авто: встретили родители/ друзья/ супруг – нужное подчеркнуть и скорее уехать. Я же отправилась пешком.

Хотя заведомо знала, что по пути не встречу ничего стоящего разглядывания и созерцания в этой окраине разумной жизни; меня проводит разве что светящийся солнечный желток, обмазанный малиновым вареньем заката поверх сливочного масла облаков. А на земле мне не встретить ни людей, ни машин, разделенных светофором на порции – никого здесь нет, пусто.

Дневная жизнь вокзала закончилась, и покинула его единственная постоянная сожительница – сама пухлая, как булочка, продащица сдобы. И с тех пор, как она ушла – не пылитесь он больше клубами сельского громкого говора и бесстыже-навязчивым запахом несвежих чебуреков, неизвестно как не попадающих в поле зрения Роспотребнадзора. На прощанье, перед тем, как оставить его совсем одного, вечно пьяного и оплеванного семечками, чебуречная продащица напоследок потычет в неизбежно остывающую сдобу; и от тяжелого вздоха её разочарования заколышется безмерная грудь, похожая на два огромных горшка со сбежавшим тестом. А после Вокзал, минут-

ное пристанище междугородних рейсов, опустеет совсем.

С такими мыслями я направлялась в нужное мне место. Это был дом, принадлежавший двум хозяевам, располвиненный разномастной окраской, отчего выглядел не иначе как пугающим сиамским близнецом. Табличку с адресом и стёртым номером пришлось искать гораздо дольше, чем владельца дома в сети интернет.

На мой стук высохшую фанерную дверь открыл настолько неуклюжий и угловатый объект, что даже вытянутости у колен его старых джинсов смотрелись мягко и по-домашнему в сравнении с этой словно топором рубленной пародией на мужское тело и лицо. Эх, это существо дотесать бы до человеческого подобия, как минимум скальпелем; ибо обычно помогающие в таких случаях опрятные глаженные рубашки и новый бритвенный станок ничего поделаться не смогли бы.

– Чаю будете?

– А?

Я настолько не ожидала осмысленности от этого антропоморфного угловатого пня,

что пропустила его слова мимо ушей. Окажется, он бормотал что-то себе под нос с того самого момента, как отворил крочковатым пальцем дверь в свою обитель.

– Все еще хотите это увидеть? – наконец, выдал он, когда пауза затянулась уже настолько, что можно было просто встать и уйти.

Я коротко кивнула, и субъект ещё больше сжался и скособочился, тяжело и по-старчески вздохнул, бросил на меня свой однобокий птичий взгляд – на этот раз похожий на взгляд обиженного ребенка – и начал спускать штаны.

– Стоп, стоп! – Запротестовала я.

Угловатый непонимающе заморгал, подобно висевшей в полуметре над его головой лампочке. А я постаралась взять себя в руки, уговаривая себя, что, собственно, за этим я сюда сегодня и приехала.

Чему быть, того не миновать, – пронеслось в моей голове, и я дала отмашку: мол, снимайте.

Хозяин лачужки снова испустил кряхтящий вздох, даже позволил себе с укоризной покачать головой из стороны в сторону, – а

затем молча повернулся задом и спустил штаны.

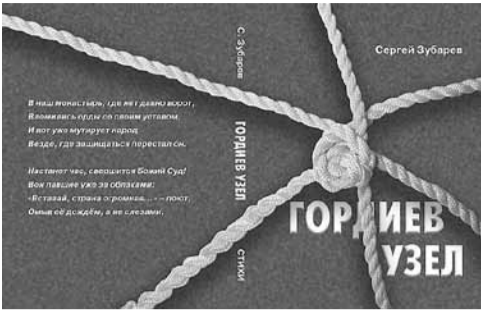
Чуть пониже спины и повыше печально дряблых полукружий у него торчал хвост. Самый настоящий хвост.

Превозмогая себя, я потянулась за фотокамерой, включила ее и сразу защелкала, разрезая секундными вспышками темноту и неловко повисшее между нами молчание. Именно ради этого зрелища, заставляющего трепетать в смешанных чувствах любопытства и презрения, я и приехала сегодня, – рассталась с мыслью об уютном кресле, в котором некому меня теснить; отрунула возможность завернуться в теплый плед, налить себе полную чашку горячего и ароматного пуэра и погрузиться в строчки судеб «Прусской невесты». А здесь и сейчас я продолжала щелкать камерой. Пусть главред будет доволен! И завтра до обеда носится с одной из этих фотографий, распечатает и даже повесит ненадолго на общий холодильник. И пусть глазееет на нее, как в цирке на пони или бородастую женщину – жадно, с едва скрываемым вождением от тяги к уродству.

Но я точно знаю, что глядя на нелепый снимок чужого зада с хвостом, он даже не догадается, что там, за кадром, останутся сгорающие от стыда рябые щеки, полный мольбы о пощаде к безжалостной камере взгляд и чьи-то несбывшиеся надежды – не на славу, а жизнь, как у всех.

Поэзия

Гордиев узел: стихи. — Ростов н/Дону:
Фирма «Ирбис», 2015. — 112 с.

Зубарев Сергей

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

А Гордиев узел никто не развяжет,
И зубы ему нипочём.
Вот так-то! Ну, что пригорюнился, княже?
Ведь страшно – решить всё мечом.

А помнишь, как царь Александр
Македонский
Его одним махом рассёк?
И хитрый клубок из верёвочек тонких
Стал пылью победных дорог.

Я вижу усмешку: "Давно это было.
Иной нынче в мире расклад.
Вершится не всё в нём лишь грубою силой,
И хитрость сильней, чем булат".

Но Гордиев узел всё ту же и ту же...
Стал скользким от крови и лжи.
Ты думаешь, княже, что меч здесь не нужен?
Попробуй тогда, развяжи.

ГОРЬКОЕ ПОЛЕ

Хоть посевной сроки минули,
Хочешь иль нет, а сажай...
Поле засеяли минами –
Будет на смерть урожай.

Сколько же горького горюшка
Убрано будет, – поверь! –
Бедное хлебное полюшко,
Минным ты стало теперь.

В прошлом дождями омытое,
Часто в жемчужинах рос.
Взрывами нынче изрытое –
В ранах из крови да слёз.

Между смертями и взрывами
Снится тебе тишина,
Где ты опять с тучной нивою...
Долго ль продлится война?..

Успеха меда распиваем,
Вино победителей пьём.
С высоких трибун повторяем,
Как мантру: "Своих не сдаём!"

Откуда же горечь печали,
Боль, как от укуса змеи?
Неужто все те, кого сдали,
Неужто они не свои?

Меня укоряют: "Ну, хватит о боли!..
От виршей тошнит, где тоска да надрыв.
Взгляни на пшеничное спелое поле –
Ну чем для стихов не мотив?"

Конечно, вы правы. Не буду о боли...
Прикрою её, как от ветра свечу.
Пшеничное поле. Расстрелянный "боинг"...
Простите, забылся. Молчу.

*Не дай Вам Бог жить
в эпоху перемен.*

Конфуций

А мы живём в эпоху перемен...
Сменили строй, а с ним ориентиры.
Одни уходят, кровь пустив из вен,
Другие разбредаются по миру.

То тут, то там идёт распил бабла.
Что пильщикам мораль, да и законы?!
Из яви и бутылка, и игла
Уводят за собою миллионы.

В наш монастырь, где нет давно ворот,
Вломились орды со своим уставом.
И вот уже мутирует народ
Везде, где защищаться перестал он.

Настанет час, свершится Божий Суд!
Вон павшие уже за облаками:
"Вставай, страна огромная..." – поют,
Омыв её дождём, а не слезами.

**Род проходит и род приходит,
а земля пребывает вовеки.**
Экклезиаст

Колокольчики в травах
звонят ли, плачут?
Им всем тяжело
от слёз, от росы ли?
Вот царь-колокол зазвонил,
не иначе –
Русских всё меньше
и меньше в России.
Как грибы растут
по селеньям погосты.
Неужто судьба
урожай итожит?
Как сказано, все мы
случайные гости.
Сквозь гром раздаётся
не глас ли Божий:
"Говорил вам, плодитесь
и размножайтесь.
Но что маловаерам
мои советы!
Всему своё время.
Не обижайтесь!
Другие приходят
на землю эту..."?
Гроза отшумит.
В небе высыпают звёзды,
В прудах ли, реках
всю ночь отражаясь.
Спит земля, и ей снится:
"Ещё не поздно.
Богатырей мы ещё
нарожаем!"

НАШЕСТВИЕ

Понахлынули орды с востока.
Кто рассеет нависшую мгу?
У князей на глазах поволока,
А бояре считают деньгу.

Чужаки же, по отчине шляясь,
В родники, насмехаясь, плюют.
Где ж дружина? Дружина гуляет.
Ну, а смерды? Те горькую пьют.

Всем пришельцам здесь вольная воля.
Во земли! Обживай – не хочу!
Вся страна теперь – Дикое Поле,
Где не каждому меч по плечу.

Не к грозе ли нещадно так парит?
Хлебороб, избегающий драк,
Даже он стонет: "Эх, государя б!
Чтоб собрал всех нас в крепкий кулак".

А в ответ только глум да веселье...
Но закат-то, закат-то багров!
Будет завтра. И будет похмелье.
Сколько будет наломано дров...

На Русь явились, пришлецы,
И будто к мамке присосались,
Кусаеи её сосцы,
Вам сунь – отхватите и палец.

Вы все горазды Русь ругать,
Её смурное обжежитье,
Но почему-то – что с вас взять? –
Из стран своих сюда бежите.

– Из злой поэмки, ветер, свей
Печальный реквием, не оду –
Здесь столько смешано кровей
И перемолото народу...

А жизнь, как река, течёт,
И далеко ещё до устья.
Она нам всем предъявит счёт.
Но вы, кочевники, не трусьте!

Судить, что будет, не берусь,
Умножат нас или разделят...
Не обижайтесь, если Русь
И вас однажды перемелет.

Психея, бабочка, душа!..
Мы связаны одной судьбою,
Пока ты в небо голубое
Не взмоешь, вечностью дыша.

Успеешь отдохнуть от дел,
Не торопись расстаться с телом,
Ты ж не случайно залетела
В него – Господь так захотел.

А значит, продолжаем жить:
Страдать и сердце рвать на части,
Любить и радоваться счастью
Так, чтоб прощенье заслужить

За мнимые свои грехи
И за содеянные, может, –
Не зря же совесть гложет, гложет! –
И по ночам писать стихи.

На кончике карандаша
Затеплится лишь капля света,
А ты уж рифмою согрета,
Трепещешь бабочкой душа!..

Сыплется мелкий снежок целый день,
Будто просеян сквозь сито.
А мукосею трудиться не лень,
Вон вся округа укрыта.

Эк, разгулялась сегодня зима
С белым подарком в охапке!
И нахлобучили лихо дома
К вечеру снежные шапки.

Стало повсюду, как в сказке, бело:
Улицах, парках и скверах.
Кажется, будто навек замело
Наши и горечь, и скверну.

Стало на время светло на душе,
Будто печалей не знает...
А в это время, наверно, уже
Кто-то в снегах замерзает.

БОЛЬНИЧНЫЙ ПОТОЛОК

Гляжу в больничный потолок,
Как на нетронутый листок
Белым-белёхонький.
Он видел много разных глаз,
Да он и слышал, и не раз
Все ахи-охоньки.

Но не оставила следа
Тех грустных взглядов череда
На нём ни пятнышка.
Но он всех помнит, кто здесь тлел,
С тоскою в потолок глядел.
Ах, мама! Матушка...

И он, не верящий слезам,
В себя впитал десятки драм,
Как намагниченный.
Но не расскажет и двух строк,
Лишь стал больничный потолок
Белей обычного.

ОСЕННЕЕ

Он сказал жене: "Давай обвенчаемся,
Чтобы и на том свете не расставаться".
В его голосе не было отчаянья.
Ветер был хмельной от цветущих акаций,

Он раздувал на окне штору, как парус,
И дом плыл в океане по имени Жизнь.
А жена колокольчиком рассмеялась:
"Да, наши судьбы до смерти в одну
сплелись",

Дни полетели дальше, потекли годы.
Рифы пугали их, поджидали мели.
А сколько раз солнце уходило за воду?
Они не считали, но доплыть сумели.

Пришла вся в золоте и багрянце осень.
Мало в ней дней погожих, больше унылых.
"Давай обвенчаемся," – жена теперь
мужа просит.
А в ответ: "Мне тебя и на этом свете
хватило..."

СТАРИК

Износилось тело, как рубаха.
И в чём только держится душа?
Но гляди-ка, как старик без страха
Смотрит в небо жадно, не дыша.

Что там видит? Дальнюю дорогу
Всю в сугробах снежных облаков.
Он уже готов предстать пред Богом
И ответ держать за всё готов.

За любовь, которой знает цену,
За безумства, за хмельной туман...

И расскажет он, как брали Вену,
Как тогда от крови был он пьян.

Многое старик расскажет Богу,
Как всю жизнь на Родину пахал.
Хоть она порой судила строго,
Никогда её не предавал.

О большой "вине" своей расскажет
Он, прошедший тысячи дорог:
– Господи, как жить ты мне прикажешь,
Если я державу не сберёг?

В чистое одет, как перед боем.
Под ногами лишь землицы пядь,
А над ним всё небо голубое,
До звезды уже рукой подать...

ДВА ГОЛОСА

**Россия в пропасть летит, а о чём
пишут молодые поэты?**

Ю. Кузнецов

О чём писать, на то не наша воля!
Н. Рубцов

То не порыв горячий ветра
Бумагу на столе взьерошил –
В окно ворвался голос мэтра
И пробежал мороз по коже

– О чём вы пишете, поэты,
Когда летит Россия в бездну?
И горько мэтр вздохнул при этом,
Мол, все советы бесполезны.

Другой поэт свой голос подал,
Дохнув в окно цветущим полем:
– О чём писать, – ответил с ходу, –
На то, увы, не наша воля.

Двум голосам тем снова тесно,
Как и двум гениям на кухне –
И вспыхнет молния, как песня,
И следом гром небесный ухнет.

Писать поэты так же будут
И вырывать из сердца строки:
О страшных ли кровавых буднях,
О ветре дремлющем в осоке...

Кто о любви слагает песню,
Чтоб подарить своей невесте...
Ну а летит Россия в бездну,
Поэт летит с Россией вместе.

СОНЕТ ОБЪЯТИЙ

Любовью ночь была согрета,
Утихли лунные моря.
В объятиях мальчика-рассвета
Зарделась девочка-заря.

Весна любви – ещё не лето,
И далеко до сентября.
В объятиях трепетных рассвета
Сомлела юная заря.

А в доме окна нараспашку,
И облако ночной рубашки,
Казалось, улетит вот-вот...

Как мир, стара картина эта:
Заря в объятиях рассвета
В простынном облаке плывёт.

Всевышним послано молчание,
И за душою ни строки.
Настало время покаяния
Или отчаянной тоски?

Я принимаю со смирением
То, что вершины не достиг.
Но был полёт и было рвение,
И были ночи вдохновения,
И опьянение от книг.

И мне тогда такое грезилося...
За дерзость, Господи, прости!
Я даже запах нежной фрезии
Пытался удержать в горсти.

Но Ты, любя, подрезал крылья мне,
Чтоб я гордыню усмирил.
Погасли пузырями мыльными
Все помыслы мои и пыл.

"И всё же не впадай в отчаянье, –
Я говорю себе, – держись!
И на пустые звоны жизнь
Не трать, брат Сергиус, молись –
Даст Бог, растает лёд молчания..."

ВНИМАНИЕ КОНКУРС!

II Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Поэзии прекрасный свет»

II Всероссийский литературный фестиваль-конкурс «Поэзии прекрасный свет» проводится в городе-курорте Анапа в начале октября 2016 года, в рамках литературного проекта «Литературная осень»

Учредителями Фестиваля-конкурса являются: Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России», Администрация муниципального образования город-курорт Анапа.

К участию в Фестивале-конкурсе приглашаются авторы литературных произведений на русском языке в возрасте от 16 лет, независимо от места жительства и гражданства, членства в творческих Союзах, с разделением на возрастные группы: «Открытие» – до 35 лет и «Мастер» – старше 35 лет, разделяющие в своих взглядах цели и задачи Фестиваля-конкурса.

Фестиваль-конкурс проводится в два этапа в соответствии с программными требованиями. Вышедшим в финал предоставляется право непосредственного участия во втором туре Фестиваля-конкурса.

Для работы в жюри II Всероссийского литературного Фестиваля-конкурса «Поэзии прекрасный свет» приглашены деятели литературы, обладающие высокой квалификацией, участвовавшие ранее в

качестве членов жюри в различных фестивалях и конкурсах Всероссийского и Международного уровня в количестве не менее 5 человек.

Президентом Фестиваля-конкурса является секретарь, член Правления Союза писателей России, руководитель Всероссийского Некрасовского семинара молодых литераторов, лауреат международных и всероссийских литературных премий писатель Василий Владимирович Дворцов.

Произведения представляются по следующим номинациям:

– **Поэзия.** Тематика: свободная. Объем всех стихотворных произведений не более 200 строк. Одна конкурсная работа – максимально пять произведений.

– **Малая проза.** Тематика: свободная. Объем произведения до 15 000 знаков (без пробелов). Одна конкурсная работа – два произведения.

– **Произведения для детей.** От одного автора принимаются произведения в прозе и поэзии. **Поэзия** – объем всех стихотворных произведений не более 200 строк. Одна конкурсная работа – максимально пять произведений. **Малая проза** – объем произведения до 15 000 знаков (без пробелов). Одна конкурсная работа – максимум два произведения.

– **Литературный перевод.** Перевод стихотворного текста с любого иностранного языка на русский и наоборот. Требования те же, что и к поэзии, к переводу должны прилагаться оригинальный текст и подстрочник. Одна конкурсная работа – максимально пять произведений.

Один автор может принимать участие в конкурсе не более чем в **трех** номинациях под одним именем (псевдонимом).

Фото и видео-выставка: авторы, желающие представить своё творчество на видеовыставке, должны привезти на фестиваль CD с демо для демонстрации на экране.

От участников фестиваля требуется направить в адрес Оргкомитета заявку по установленной форме (Приложение № 2) с 01 марта до 01 июля 2016 года. К заявке приложить произведения в электронном виде (в виде файла формата MicrosoftWord, шрифт TimesNewRoman, размер шрифта 14, интервал между строками 1, между стихами – интервал 2). Текст должен содержать имя автора (псевдоним) и название произведения. Перед произведениями обязательно должна быть указана номинация. Все произведения должны иметь указание на год их создания.

На конкурс могут быть выдвинуты только те произведения, жанр и содержание

которых соответствуют конкурсным номинациям, написанные после 2010 года и не участвовавшие в других литературных конкурсах.

В письме должен быть указан адрес получателя и пометка на Фестиваль-конкурс «Поэзии прекрасный свет» и ФИО. Письмо должно иметь три Приложения:

1. Фотографию участника в расширении jpg, размером не более 100 кбайт.

2. В одном файле все конкурсные произведения (с указанием названий номинаций перед текстами и возрастной группы «Открытие» или «Мастер»).

3. **Заявку.**
Заявки для участия с приложениями с пометкой «на Фестиваль-конкурс «Поэзии прекрасный свет» направлять по адресу:

353440, Россия, Краснодарский край, город-курорт Анапа, ул. Астраханская, 2, МБУК «Центр культуры «Родина» муниципального образования город-курорт Анапа. Тел./факс: 8(861333) 4-51-97.

E-mail: anapa-rodina@mail.ru Для участия в Фестивале-конкурсе установлен организационный взнос в размере 500 рублей. Расходы по оплате проезда до города-курорта Анапа и обратно, проживания и питания несёт командировавшая сторона.

ПОЭЗИЯ

Сергей Тимшин ст. Гривенская

МАТЬ

Сколько нас о несчастной России
Горевало в стихах и речах!
И стонали мы, и голосили -
И заучено, и сгоряча.
Но, заслуги и званья стяжая,
Сокрушаясь, что скверно живём,
Мы в скорбях о великой державе
Хоронили Россию живём.
А она лишь печально вздыхала,
И во время ненастных ночей
Подтыкала под нас одеяла -
Под своих говорливых детей...

НОВЫЙ ГОД ПО-КИЕВСКИ

В новогоднем Киев-граде -
В одержимом нацпараде,
По Крещатику -
Под речёвки, кличи, крики
Снова факельные блики,
Трепеща, текут.
Будет жарко на майдане,
Будут прыгать громадяне
Не в отчаяньи:
Не чума то, не холера -
То рождение Бандеры
Отмечается...

БАЛЛАДА ОБ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ БЛОКАДЕ

Влезли в пролив – там, где
Чонгар – степи,
Ветер гнобит дикой травы стебли.
На провода морось ноябрь лепит,
Здесь не струят электроток ЛЭПы.
Сталь и бетон мощных опор взрывом,
Множась террор, минный заряд вырвал.
Следом в Сиваш влез материк носом -
ЛЭПы и там с корнем тротил сносит...
Лыбится злой бей* Мустафа** криво:
«Будет светить лунный фонарь Крыму!
Братьев-татар, как и крымчан сорных,
Станет декабрь греть горячо солнцем!»
Но холит Киев – лживый, дальний –

Тех, кто повинен...
И полуостров снова сдавлен,
На пуповине –
Целенаправленно устроен
Ему блэкаут,
Ликуют «нацики-херои»
Хоть и икают.
И по Тавриде каждый вечер
Потёмки рыщут.
Горят фонарики и свечи
В людских жилищах,
В них дети, старцы, инвалиды
Не обогреты:
Мертвы в домах электроплиты
И батареи!
И длится чёрное затмение
От подлой шкоды,
Ослепли разом учрежденья,
Закрыты школы.
Любой электрогенератор
В цене – стократной,
И свет как высшая награда,
Как рай возвратный.
И дни прессуются в декаду
В декабрьской стыни,
Но знают люди, что блокаду
Россия – скинет!

Там, где Кубань дышит в уста Крыму -
Древний пролив не узнают рыбы.
Гулкими сны на глубине стали:
В толщи веков бьют под водой сваи!
Дрожью земля здесь берега будит -
Соединён Крым со страной будет!
Следом по дну электронить тянут -
Зря ль наверху чаек звенит танец?
Зря ли волнам зори рубин крошат?
Энергомост через пролив – брошен!
Соединил кабель Тамань с Керчью,
Весь изойди, бей Мустафа, желчью!
Снова горят на берегах звёзды -
Крымским ночам жизненный ток роздан!
Снова крылом Крым молодой светел,
И по утрам в школы идут дети!

*Бей – господин.

**Мустафа – Мустафа Абдулджемиль
Джемилев, украинский политик, председа-
тель Меджлиса крымско-татарского
народа в 1991-2013 гг.

Татьяна Чернова Тихорецк

А с крыши сотню лет назад
Летел такой же снег.
Притихший дом, усталый сад,
Узоры на окне.
Укрывшись в четырёх – одна –
Спасительных стенах,
Ты, вдохновением пьяна,
Листала альманах.
Глядели пристально глаза
Сквозь строчки и слова,
Тяжёлый плед с плеча сползал,
Клонилась голова...
Издали идут века.
Всё так же сыплет с крыш
Зимы незримая рука.
Ты у окна сидишь.
Стемнело, гаснет фитилёк
И светел только снег.
Не спишь. Ты знаешь: недалёк
Серебряный твой век.

Я твою песню ловлю.
Ветер её украдёт.
Лето давно началось,
А у меня – всё весна.
Больше всего я люблю
Тех, кто ко мне не придёт,
То, что ещё не сбылось
Да о былом вспоминать.

Оставляю письмо у двери.
Улыбнись обо мне, прочтя.
Я сильнее, чем раньше, верю:
Все мы здесь – у судьбы в гостях.
Ты уедешь. Тебе приснится
В пыльной зелени жаркий день –
Нестареющая столица,
Где уже расцвела сирень,
Где нагретая солнцем крыша.
Мы гуляли вдвоём по ней...
Если хочешь, молчи. Я слышу
Шёпот наших с тобой теней.

Деревья чешуйками листьев
Сегодня бросаются щедро,
На суд октябрю отдавая
Последнее наше тепло.

И в длинную гриву вплелись мы
Шумящего дикого ветра...
А в окнах пустого трамвая
Холодное плачет стекло.

«Забыла»? Ты мне виделся во сне.
В чужих речах я слышала твой смех.
Вот ты соврал, что думал обо мне,
И, – видишь? – я уже счастливей всех.

Ты меня не ищешь,
я тебя не жду.
Мартовскому солнцу
отворю окно.
Встретимся случайно –
за тобой пойду.
Не увижу вовсе –
так уж суждено.

Весело прощались.
Вяло весной:
Облака большие,
Гнёзда и грачи.
Подо мной качался
мост не подвесной.
До сих пор твой поезд
в памяти стучит.

Ты меня не ищешь.
Я тебя не жду.
Плачем и смеёмся.
Дарим и таим.
Лишь бы мне случайно
не назвать в бреду
Мартовское солнце
именем твоим.

Когда я сделаюсь бела
Как дымка над рекой –
Считай, что я и не жила,
Что не было такой.
Когда накроешь зеркала
Недрогнувшей рукой –
Считай, что я и не жила,
Что не было такой.
Когда забудут в колокола,
Споют за упокой –
Считай, что я и не жила,
Что не было такой.
Когда свистящая стрела
Найдёт тебя в бою,
Увидишь: я тебя ждала,
Я за спиной стою.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России

Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 213208979906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка

и художественное оформление: А. Прокопенко

Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350061

г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

тел.: 8-961-509-30-53, 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах

http://sites.google.com/site/sprosia

и http://sprosia.narod.ru

и Краснодарской краевой универсальной

научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии

ООО «Флер-1»

г. Краснодар,

ул. Уральская, 98/2

8(861) 274-10-74

Заказ №

Подписано в печать

25.02.2016 г.

по графику в 10.00,

фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров

Цена свободная